

Я.И. Нейштадт

**Шахматный университет
Пауля Кереса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.8
ББК 77
Я11

Я11 **Я.И. Нейштадт**
Шахматный университет Пауля Кереса / Я.И. Нейштадт – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 224 с.

ISBN 978-5-458-26784-7

Известный теоретик шахмат мастер Я. И. Нейштадт написал наставление по стратегии и тактике. Советуемый им курс базируется на творческом наследии Пауля Кереса, одного из незаурядных шахматистов прошлого столетия. Это учебное наставление, содержащее оценку положения и планирование, методы атаки и обороны, сортировку комбинаций и расчет вариантов, и совместно галерея произведений эстонского гроссмейстера, соединённых по темам. Учебному материалу предпослан повествование о спортивном пути Кереса, стиле его игры и месте, которое он занял в истории шахмат. Эта книжка рассчитана на шахматистов-разрядников.

ISBN 978-5-458-26784-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЯРКО ГОРЕВШАЯ ЗВЕЗДА

«После смерти Александра Алехина в 1946 году это была самая большая потеря, которая постигла шахматный мир». Так отозвался о кончине Пауля Кереса его многолетний соперник Михаил Ботвинник.

«Часы идут, дни бегут, а годы — летят...» В полном соответствии с этой восточной мудростью проносятся в нашей памяти бесчисленные международные соревнования, межзональные турниры, состязания претендентов, матчи за высший титул. На шахматном небосклоне зажигаются новые звезды. Сколько их появилось (а потом потускнело) с тех пор, когда Пауль Керес заставил шахматный мир впервые заговорить о себе!

Это было в 1935 году. Шахматисты Эстонии, никогда не выступавшие в турнирах наций, решили попробовать свои силы на VI Олимпиаде в Варшаве. Право возглавить сборную предоставили 19-летнему победителю первенства страны. Кересу предстояло встретиться с чемпионом мира Алехиным, находившимся в расцвете творческих сил Флором, знаменитыми гроссмейстерами Видмаром, Грюнфельдом, Тартаковым, подававшим блестящие надежды молодому американцем Файном.

Алехину Керес, правда, проиграл, но шахматный мир озадачил. Неизвестный за пределами своей страны юноша показал в командном первенстве мира пятый результат на первой доске: 12½ очков из 19. Так начал Керес свой подъем к вершине шахматного Олимпа. Прошло всего три года, и 22-летний шахматист разделил с Файном победу в АВРО-турнире — одном из самых представительных состязаний в шахматной истории. Позади остались Ботвинник, Алехин, Эйве, Решевский, Капабланка, Флор...

Сорок лет, не угасая, среди самых больших шахматных звезд горела его звезда. На протяжении четверти века он реально претендовал на звание сильнейшего в мире.

АВРО-турнир с участием чемпиона и семи претендентов в 1938 году. И матч-турнир на первенство мира в 1948-м, а затем — пять турниров претендентов * — без пропуска, все до одного! **

За всю историю шахмат можно насчитать лишь несколько мастеров, так долго сохранявших практическую силу, как Керес.

* *Будапешт (1950), Цюрих (1953), Амстердам (1956), Блед—Загреб—Белград (1959), Кюрасао (1962).*

** *Решением ФИДЕ в следующих циклах соревнований на мировое первенство вместо турниров стали проводиться матчи претендентов. В 1965 году Керес встречался в четвертьфинальном претендентском матче со Спасским.*

VI Олимпиада 1935 года. И XVI Олимпиада 1964-го. А между ними еще девять олимпиад*.

12-е первенство СССР в 1940 году. И 41-е в 1973-м, а в промежутке — еще двенадцать и завоеванное трижды звание чемпиона Советского Союза.

Победа 20-летнего Кереса на международном турнире в Бад-Наугейме (вместе с Алехиным) и спустя почти 40 лет победа на представительном международном турнире в Таллине весной 1975 года — его последней весной.

О спортивном подвиге и творческом долголетии Пауля Кереса красноречивее слов говорят таблицы соревнований, в которых он участвовал, и годы выступлений. А о том, сколь велик был его талант, рассказывают партии, часть которых представлена в этой книге.

Бросив взгляд на весь путь, пройденный Кересом в состязании с шахматистами нескольких поколений, остановимся подробнее на отдельных вехах этого пути.

Начнем, как начинают все биографии, — с детства. Тихая Нарва — один из древнейших городов Эстонии на границе с Россией. Здесь 7 января 1916 года родился Пауль Керес. Уже в 4-летнем возрасте он познакомился с шахматами, наблюдая вместе со старшим братом за игрой отца. Когда мальчику было семь лет, семья переселилась в Пярну — курортный городок на побережье Балтики.

Никаких шахматных учителей у будущего гроссмейстера не было — играл он с братом и крайне редко с отцом. В десять лет Пауль узнал, что ходы можно записывать и воспроизводить, что в газетах время от времени публикуются задачи и целые партии и что есть даже специальные шахматные журналы и книги. Расшифровав значение таинственных знаков, мальчик стал вести запись своих партий, вместе с братом разыгрывал примеры из газетных шахматных рубрик.

Первой шахматной книгой Кереса был знаменитый «Учебник шахматной игры» Жана Дюфрени.

В турнирах Пауль начал участвовать с тринадцати лет. Шахматисты маленького Пярну были немало удивлены, когда в городском блиц-турнире школьник выиграл все партии. Конечно, его пригласили участвовать в чемпионате города. Керес закончил соревнование вторым. Затем он выиграл подряд три юношеских чемпионата Эстонии (1930, 1931/32 и 1932/33).

К этому времени относится увлечение Кереса игрой по переписке. В биографиях шахматистов экстракласса эта игра-анализ, существенно отличающаяся от игры за доской, встречается лишь в редких эпизодах. Исключение — Алехин, в молодости отдавший дань заочным шахматам. Керес, по его собственному рассказу, вел одновременно 150(!) партий по переписке. Эту страсть только от-

* В четырех (Варшава-1935, Мюнхен-1936, Стокгольм-1937, Буэнос-Айрес-1939) Керес выступал за команду Эстонии; в семи олимпиадах (Хельсинки-1952, Амстердам-1954, Москва-1956, Мюнхен-1958, Лейпциг-1960, Варна-1962, Тель-Авив-1964) — за команду СССР.

части можно объяснить тем, что в Пярну круг соперников был ограничен. Видимо, главное заключалось в другом. Наделенный аналитическим складом ума, Керес уже тогда нашел в игре по переписке счастливую возможность вести исследование с чувством ответственности, проверяя каждый вывод в беспешном споре с оппонентом. Опыт анализа, накопленный в игре по переписке, оказал неоценимую помощь молодому шахматисту, когда он вышел на международную арену. Забегая вперед, можно утверждать, что выработанная заочной игрой привычка глубоко вникать в позицию, проверять суждения конкретными вариантами в сочетании с глубоким пониманием шахмат и талантом объяснять происходящее сделали Кереса лучшим в мире шахматным комментатором.

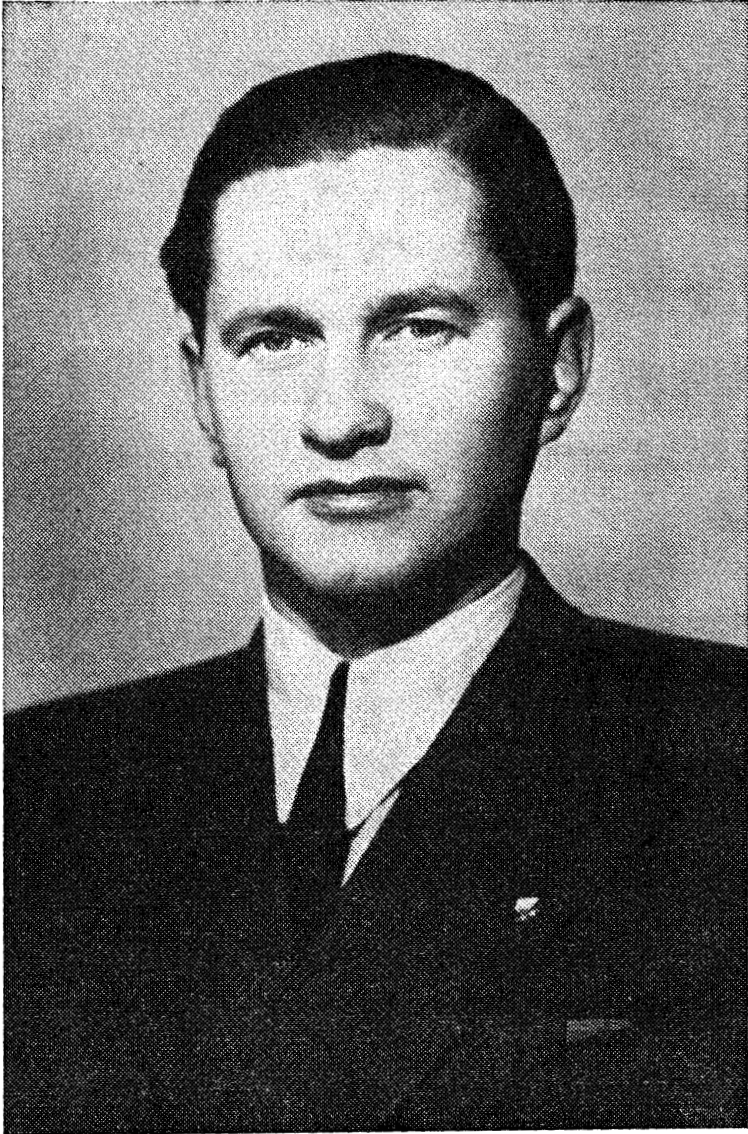
Первый серьезный успех пришел к Кересу на чемпионате Эстонии 1934/35 г. Разделив победу с Фридеманом, он выиграл затем небольшой дополнительный матч.

На VI турнире наций в Варшаве (1935) сборная Эстонии выступала в составе: Керес, Фридеман, Лаурентиус, Рауд, запасной Кибберман. Двое участников набрали 50% очков, двое сыграли неудачно, но результат лидера — $12\frac{1}{2}$ из 19 (+11 — 5=3), или 65,8% очков — позволил команде Эстонии — дебютанту Олимпиады занять место в середине турнирной таблицы, опередив девять стран. В том же году Керес выиграл чемпионат Европы по переписке, набрав 10 очков из 13.

Но не одни только спортивные результаты заставили специалистов заговорить о Кересе. Шахматы — игра творческая, и кроме практической силы существуют такие понятия, как шахматный почерк, стиль. Сила имеет четкое арифметическое выражение. Ее слагаемые — единицы, половинки, нули. Стиль в итоговой таблице никак не выражен. Между тем наша любовь к шахматам неразрывно связана с их творческой стороной, эстетическим восприятием происходящих в партии событий. Победа может быть достигнута позиционным маневрированием и в острой тактической борьбе, лихой атакой и осмотрительной защитой, методичным накоплением небольших преимуществ и с помощью неожиданных и эффектных жертв. О вкусах не спорят. Но те, кто наблюдает за игрой со стороны, отдают решительное предпочтение смелости и фантазии и гораздо меньше склонны восторгаться логикой и последовательностью. Разумеется, в конечном счете приоритет принадлежит силе. Когда у шахматиста мало очков, никого не интересует, в каком «стиле» он терпит поражения. Но если он выступает успешно, манера игры, его творческий почерк небезразличны шахматной публике.

Как же играл молодой Керес?

Большинство его партий отличало стремление завладеть инициативой уже с первых ходов — как белыми, так и черными, — изобретательность в атаке, острое тактическое зрение; конкретность мышления и далекий расчет — минимум общих рассуждений. Дебютный репертуар соответствовал такому подходу: белыми 1. e4 и в ответ на 1. . . e5 — «седой» королевский гамбит, итальянская партия (разумеется, не безжизненное «giuoco riapio», а варианты с зах-

ватом центра c2—c3 и d2—d4); на 1. . . c5 — своеобразный сицилианский гамбит (b2—b4, но не на втором ходу, а после 2. Kf3 d6 или 2. . . e6). Черными в ответ на 1. d4 — контргамбит Альбина (1. . . d5 2. c4 e5), будапештский гамбит (1. . . Kf6 2. c4 e5). Конечно, в практике Кереса встречались и более спокойные дебюты, но, как правило, он стремился к открытым положениям, свободным для действий фигур.

При таком подходе неудачно разыгранный противником дебют сулил Кересу желанную возможность вести прямое наступление на короля. Применение острых систем (в том числе в соревнованиях по переписке!) сильно развило его комбинационные способности, и не случайно многие партии того периода молодой мастер решил с помощью тактических средств в ходе бескомпромиссной атаки.

Однако ни одному шахматисту не удастся получать лишь те позиции, которые ему по душе. Тому, кто любит атаковать, приходится также защищаться. В худшие положения попадают даже чемпионы мира — таковы шахматы. Безудержное желание захватить (а играя черными, перехватить) инициативу в позициях, не созревших для энергичных действий, приводило порой к тому, что на доске создавалась объективно неблагоприятная ситуация. В таких случаях Кереса часто выручала тактическая изобретательность. Вспомним канадских хоккеистов, бросавших шайбу к воротам соперников и всей командой устремлявшихся вслед за ней. Используя острую обстановку, они благодаря высокому индивидуальному мастерству вновь завладевали шайбой и первыми наносили завершающий удар. Так было, когда соперники канадцев заметно уступали им в классе. Так было, когда большинство участников турниров, в которых сражался Керес, были попросту слабее его. Когда же круг соперников стал иным, действовать старым оружием означало идти в кавалерийскую атаку на скорострельный пулемет. И молодому романтику предстояло усвоить манеру игры шахматных профессионалов тридцатых годов. Постепенно шахматный почерк Кереса стал более сдержанным. Не упускавший раньше случая броситься в круговорот королевского гамбита, он стал чаще избирать солидные начала, требующие тонкого позиционного мастерства. Испанская партия в исполнении Кереса скоро стала для соперников настоящей «испанской пыткой».

При игре черными на смену контргамбиту Альбина и будапештскому гамбиту пришли солидные системы ферзевого гамбита и защиты Грюнфельда.

Правда, в закрытых началах Керес еще не отказался от оригинальных построений в духе новоиндийской и голландской защит (например, 1. d4 e6 2. c4 Cb4+ 3. Cd2 Fe7 4. Kf3 f5 5. Kc3 Kf6 или 1. d4 e6 2. Kf3 f5 3. g3 Kf6 4. Cg2 c5), защиты Нимцовича без хода Kg8—f6 (1. d4 e6 2. c4 Cb4+ 3. Kc3 c5 4. dc C : c3+ 5. bc Фа5). Но класс игры новых партнеров — постоянных участников международных состязаний, как правило занимающих первую половину турнирной таблицы, требовал более гибкого подхода, и постепенно открытый ближний бой уступал место стратегии дальнего прицела,

при которой исход партии зависит не только от позиционных промахов противника и собственной тактической изобретательности, но от планомерной подготовки активных действий, искусства маневрирования, высокой техники игры, в том числе техники эндшпиля. Конечно, Керес не отказался ни от атак, нацеленных на короля, ни от комбинационной игры, но и наступление, и тактические действия он старался строить на более прочной, позиционной основе.

Принято считать, что стратегическое мастерство и техника приходят с опытом. Кересу для овладения искусством позиционной игры (притом в совершенстве, отличающем ведущих гроссмейстеров) понадобилось всего два года — от варшавской Олимпиады (1935) до Земмеринг-Баденского турнира (1937).

В этом промежутке наибольшего успеха Керес добился на турнире в германском городе Бад-Наугейме (1936). 20-летний мастер разделил победу с Алехиным, набрав $6\frac{1}{2}$ очков из 9 и опередив Боголюбова, Видмара, Штальберга. О тенденции в сторону изменения стиля игры свидетельствует его партия с Видмаром, в которой последовательное давление на королевском фланге привело к технически выигрышному окончанию. Сам Вильгельм Стейниц, основоположник стратегии закрытых позиций, пришел бы в восторг от такой партии. Это был шаг в рациональном направлении — важный, но пока лишь только шаг.

Результат в Бад-Наугейме оказался недостаточным, чтобы получить приглашение на большой международный турнир в Ноттингеме (Англия), намеченный на лето 1936 года. Правда, из зарубежных шахматистов этой чести удостоились лишь чемпион мира, экс-чемпионы и несколько выдающихся гроссмейстеров. К их числу Керес пока еще не принадлежал. Тем более что всего через несколько недель после Бад-Наугейма его постигла большая неудача на турнире в Дрездене (оба соревнования проходили в рамках подготовки к внеочередной Олимпиаде 1936 года в Мюнхене).

В Дрездене Керес оказался в самом конце турнирной таблицы — на 8—9-м местах при десяти участниках (первым был Алехин). Как писал он потом, «поражение было тяжелым *, но во многих отношениях поучительным. Я пришел к выводу, что сомнительные эксперименты не сулят успеха в турнирах с сильным составом и что гораздо целесообразнее играть солидно. Это, конечно, не означает, что нужно избегать комбинационной игры, но такую игру не следует создавать искусственно».

Тем не менее еще во многих соревнованиях Керес не мог отказать себе в удовольствии затеять комбинационную игру в старом добром стиле минувшего века.

С калейдоскопической быстротой турнир следовал за турниром: Зандворт (1936) и в том же году Олимпиада в Мюнхене, а в следующем — турниры в Таллине, Маргете, Остенде, Праге, Вене, Кемери, Пярну, VII Олимпиада в Стокгольме.

* Керес набрал $3\frac{1}{2}$ очка из 9.

В Таллине и Праге Керес легко завоевал первые призы, не проиграв ни одной партии. Правда, в Таллине сражались только эстонские шахматисты (сильнейшим среди них был Пауль Шмидт, достойный конкурент Кереса в этом и других эстонских состязаниях; на этот раз Керес обошел Шмидта на очко).

Состав турнира в Праге, кроме участника III Московского международного турнира Элисказеса, не блистал именами. Керес уступил соперникам лишь две ничьи, выиграв остальные партии. Легко первенствовал он и на небольшом тематическом состязании в Вене, все партии которого были начаты довольно странным вариантом дебюта ферзевых пешек — 1. d4 Kf6 2. Kf3 Ke4.

В Остенде (1936) Керес делил первый-третий призы с восходящей американской звездой Файном и швейцарским мастером Гробом; в Маргете (1937) — с тем же Файном; в Зандворте (1936) занял 3—4-е места с Тартаковером (после Файна и Эйве); в Кемери (1937) — 4—5-е с Алехиным (после Флора, Петрова, Решевского), а в Пярну — 2—4-е с Флором и Штальбергом (победил П. Шмидт).

С большим вдохновением выступал Керес за сборную своей страны на Олимпиадах в Мюнхене (1936) и Стокгольме (1937). Результаты, показанные им на первой доске: в Мюнхене — 15½ очков из 20 (77,5%), в Стокгольме — 11 очков из 15 (73,3%, 2-е место в состязании лидеров команд — после Флора, впереди Эйве, Лилиентала, Решевского и других).

После мюнхенской Олимпиады Керес получил приглашение на международный турнир в Австрии. Хлопоты по его устройству заняли много времени, и соревнование состоялось только по окончании следующей, стокгольмской Олимпиады, в 1937 году в Земмеринге и Бадене. Восемь участников играли в два круга. Специальных категорий, которые Международная шахматная федерация присваивает ныне каждому турниру в соответствии с индивидуальными коэффициентами шахматистов, тогда не существовало. Земмеринг-Баденский турнир называли гроссмейстерским, хотя два его участника — Керес и Рагозин гроссмейстерами не считались*. В шахматной карьере Элисказеса был первый приз, полученный на международном турнире в Будапеште (1934). Гроссмейстером называли и представителя Латвии Петрова, незадолго перед этим разделившего первый-третий призы (вместе с Флором и Решевским) на турнире в Кемери (1937). Четыре участника — Капабланка, Флор, Решевский и Файн в рекомендациях не нуждались.

Несмотря на скромный старт, после первого круга Керес, к своему удивлению, оказался на первом месте. По пятам за ним следовал Файн. Во втором круге Керес выиграл три партии подряд и практически обеспечил себе победу в турнире — Файн отставал на два очка. Хотя неудачным финишем (пол-очка из трех) эстонский мастер (теперь уже гроссмейстер) несколько испортил впечатление от своего выступления, догнать его Файн все же не смог. Итак, первым Керес — 9 очков из 14, вторым Файн — 8 очков.

* Официальное звание «Международный гроссмейстер» было установлено ФИДЕ в 1950 году.

Остальные места в турнире примерно отражали соотношение сил участников: Капабланка и Решевский набрали по 7½ очков, Флор — 7, Элисказес и Рагозин — по 6, Петров — 5 очков.

«Наконец-то я осуществил мечту всех шахматных мастеров: меня приняли в семью гроссмейстеров. Теперь предстоит доказать, что успех в Земмеринг — Бадене не был случайным», — писал Керес.

Долго ждать представления доказательств шахматному миру не пришлось. На традиционном рождественском турнире в Гастингсе (1937/38) Керес разделил 2—3-е места с Александром — позади Решевского, но впереди Файна и Флора. Затем сыграл вничью матч со Штальбергом (Стокгольм, 1938) — 4:4* и был вторым на турнире в Нордвейке (1938) — позади Элисказеса, но впереди Пирца, Эйве, Боголюбова, Тартаковера, Шпильмана и других. Словом, гроссмейстер как гроссмейстер. Даже чуть больше: позади одного, впереди многих. Однако Керес имел в виду доказательство гораздо более веское. И он представил его в том же 1938 году.

В результате переговоров между Эйве и руководством ФИДЕ, состоявшихся после победы голландского гроссмейстера над Алехиным и завоевания звания чемпиона мира, было достигнуто соглашение о принципах отбора кандидата на матч с чемпионом. Было решено, что преимущественное право оспаривать титул получит победитель турнира поименно приглашенных выдающихся гроссмейстеров.

Пока решался вопрос о турнире (его устройство взяла на себя голландская радиоккомпания АВРО), Эйве проиграл матч-реванш и утратил звание чемпиона. Запланированное состязание гроссмейстеров экстракласса удалось провести только в 1938 году.

В АВРО-турнир (под таким названием соревнование вошло в историю шахмат) были приглашены те, кто расположился в первой половине таблицы ноттингемского турнира 1936 года. С одним исключением: вместо Ласкера (которому в конце 1938 года исполнилось 70 лет) играл 22-летний Керес, в Ноттингеме не выступавший.

Итак, участвовали: чемпион мира Алехин, экс-чемпионы Эйве и Капабланка, а также пять сильнейших молодых гроссмейстеров — Флор, Ботвинник, Решевский, Файн, Керес. Поистине это было состязание «гроссмейстеров среди гроссмейстеров».

Хотя Алехин, подписав договор с организателями АВРО-турнира, изъявил готовность играть матч с победителем этого состязания, позднее он заключил соглашение о матче с Флором. Перед открытием АВРО-турнира чемпион мира сделал оговорку, что он оставляет за собой право сперва защищать титул против другого претендента. Сроки же матча с победителем АВРО-турнира (или следующим призером, если первым будет он сам) должны еще быть уточнены. Разумеется, матч может состояться лишь при обеспечении претендентом необходимых финансовых условий... Таким образом,

* Этот результат был несомненным успехом Штальберга, в карьере которого не было таких достижений, как у Кереса.

вопрос об обязательстве чемпиона играть матч с самым достойным претендентом так и остался открытым.

В интервью накануне АВРО-турнира, отдавая решительное предпочтение шансам Алехина, осторожный Флор счел все же нужным заметить: «Победитель земмерингского матч-турнира может и в Амстердаме паразитировать всех неожиданностью».

Но что это будет за неожиданность? Вряд ли кто мог предполагать, что Керес одержит победу в *таком* соревновании. Однако после первого круга (точнее после партии седьмого тура, в которой Керес нанес поражение лидеру состязания Файну) шахматный мир стал понемногу свыкаться с непривычной мыслью. Файн, показавший в шести турах феноменальный результат — $5\frac{1}{2}$ очков из 6,— и после проигрыша Кересу сохранил лидерство. Но теперь Керес вплотную приблизился к нему. Следующим с интервалом в очко шел Ботвинник, за ним — остальные участники. В этот момент Капабланка высказал мнение, что «игра Кереса (по сравнению с лидером Файном.—*Я. Н.*) производит более убедительное впечатление». Возможно, кубинец находился под впечатлением своего поражения — единственного в первой половине турнира,— которое он потерпел от Кереса. Партия эта была проведена эстонским гроссмейстером с завидной энергией и выдумкой. А быть может, на Капабланку произвела впечатление другая партия Кереса — с Файном, заслужившая затем одно из высших отличий *. Так или иначе, но на самого Файна партия с Кересом повлияла таким образом, что до двенадцатого тура включительно он не смог одержать ни одной победы. В девятом лидеры поравнялись, а в одиннадцатом Керес оказался впереди. Победа над Алехиным в предпоследнем туре позволила Файну догнать конкурента. В заключительный день встреча лидеров между собой быстро закончилась миром, и в итоге два самых молодых участника** разделили 1—2-е места. Конкурировали они, по сути дела, только друг с другом. Лишь в один момент Ботвинник после блистательной победы над Капабланкой (комбинация с жертвой слона и коня, обошедшая шахматную печать и ставшая принадлежностью едва ли не всех учебников) за три тура до финиша делил 2—3-е места. На следующий день Ботвинник, однако, проиграл Эйве, и лидеры вновь ушли вперед. Окончательные итоги: Керес и Файн — по $8\frac{1}{2}$ очков из 14, Ботвинник — $7\frac{1}{2}$, Алехин, Решевский и Эйве — по 7, Капабланка — 6, Флор — $4\frac{1}{2}$ очка.

Керес прошел матч-турнир без поражений, выиграв 3 партии при 11 ничьих. Файн одержал гораздо больше побед — 6 (в том числе две над чемпионом мира Алехиным), но зато проиграл 3 встречи и 5 закончил вничью. Среди трех выигранных Кересом микроматчей победа над конкурентом ***. Файн тоже выиграл три микроматча, но в одном (с Кересом) потерпел поражение. По таблице Бергера —

* 32 года спустя Керес назвал эту партию важнейшей во всей его карьере.

** Файн родился в 1914 году.

*** Эту уже упоминавшуюся партию Алехин назвал лучшей в матч-турнире, поставив ее выше партии Ботвинник — Капабланка.

Зонненборна * (ее применение было оговорено заранее) первым был Керес. На торжественном закрытии соревнования он был увенчан лавровым венком.

Сразу после турнира Эйве высказал убеждение, что Керес победит Алехина. Однако состязанию этому никогда не суждено было состояться. Право вызвать на матч чемпиона мира, зафиксированное условиями АВРО-турнира, оказалось фикцией.

Не будем гадать, как закончился бы поединок Кереса с Алехиным, если бы он состоялся вскоре после турнира. «Керес, безусловный, шахматный гений,— писал гроссмейстер Тартаковер, встречавшийся за доской со всеми шахматными гениями XX столетия.— Но и раньше бывали настоящие гении (Мак-Доннель, Цукерторг, Чигорин, Тарраш, Пильсбери), которым пришлось довольствоваться скромной ролью «блестящего второго».

Слова эти, сказанные в 1938 году, оказались пророческими...

Керес оценил свой успех с присущей ему скромностью: «Я — не единственный победитель,— сказал он,— но тем лучше. Очевидно, я еще не заслуживаю единоличной победы. Значит, нужно еще работать, стремиться к совершенствованию».

Что же касается надежд на будущее, то 22-летний победитель состязания сильнейших гроссмейстеров мира безудержным оптимистом не был. «Не только в матчах, но и в турнирах,— заметил Керес,— один промах, одно очко, иногда случайное, может определить и характер борьбы, и результат всего турнира...»

Эти слова можно поставить эпиграфом к шахматной судьбе Пауля Кереса, проследив хотя бы ход турниров претендентов 1959 и 1962 годов. Но вернемся к событиям предвоенных лет.

Выше говорилось о трансформации стиля Кереса — сдвиге в сторону стратегии, интуитивного мышления. Победитель АВРО-турнира продемонстрировал разностороннюю игру, во многом не соответствующую еще недавним представлениям о его творческом почерке. В одних партиях (или фрагментах) ярко проявились комбинационные свойства его таланта, в других — зрелый не по годам, практичный подход, опирающийся на совершенное «чувство позиции» и филигранную технику.

«Меня радует успех Кереса,— сказал после турнира Алехин.— В его стиле есть много общего с моим. Правда, сам Керес,— добавил чемпион мира,— считает, что по стилю он родствен Капабланке»...

«И Керес и Файн — оба великолепные стратеги, но все же Керес теперь самая интересная фигура в шахматном мире. Матч его с Алехиным почти необходим»,— писал Флор в послесловии к АВРО-турниру. Так говорил гроссмейстер, еще недавно сам подписавший с Алехиным контракт о матче на первенство мира!

* При равном количестве очков, набранных двумя и более участниками, складываются вместе очки побежденных противников и половина очков противников, встреча с которыми закончилась вничью. По этому подсчету у Кереса 56 очков, у Файна — 55 ³/₄.